

Рут
Мазо
Каррас

СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

18+

СЕКС

В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

История и наука Рунета. Страдающее Средневековье

Рут Мазо Каррас
Секс в Средневековье

«Издательство АСТ»

2017

УДК 392.6:94(4)
ББК 63.5(3)

Каррас Р.

Секс в Средневековье / Р. Каррас — «Издательство АСТ»,
2017 — (История и наука Рунета. Страдающее Средневековье)

ISBN 978-5-17-146681-7

Рут Мазо Каррас — заслуженный профессор истории Миннесотского университета, автор бестселлеров и научных статей по средневековой истории и истории пола и сексуальности. Ее книги известны во всем мире. Книга «Секс в Средневековье» — вызов толкованию Средневековья в общей истории. Противоречивость религиозных взглядов средневековой общественности заставляет предположить, что секс и сексуальность не были широко обсуждаемой темой в ту эпоху, однако историк Рут Мазо Каррас развеяла эти мифы. В это издание включены последние научные исследования, освещены такие темы как целомудрие, супружеская сексуальная активность, противоправное поведение, роль церкви в обществе и т. д. Книга создана как для тех, кто изучает средневековую историю и культуру, так и для тех, кто интересуется в целом, как сексуальность и сексуальная идентичность рассматривались в прошлом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 392.6:94(4)

ББК 63.5(3)

ISBN 978-5-17-146681-7

© Каррас Р., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Благодарности	6
Благодарности издателя	7
1	8
Исследования сексуальности	14
Источники знаний о средневековой сексуальности	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рут Мазо Каррас

Секс в Средневековье

Посвящается Теодоре и Флоренс

© 2017 by Ruth Mazo Karras

© Ирина Линева, текст, 2022

© TAYLOR & FRANCIS GROUP, 2022 All Rights Reserved

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Благодарности

Идею для этой книги и для ее переработанного издания подала Виктория Питерс из издательства *Routledge*, которая прочитала мою главу для обзорной книги о Средневековье и предложила ее расширить. Я благодарна многим коллегам-медиевистам и другим историкам, которые полностью прочитали черновик первого издания и внесли свои предложения: Джоан Кадден, Анне Кларк, Мэтью Куфлеру, Жаклин Мюррей, Джону ван Энгену. При переработке текста также помогли некоторые рецензии на более ранние издания. Я также выражаю благодарность читателям из неакадемической среды, которые помогли мне понять, что в этой книге было бы для них полезнее и интереснее всего: Кристоферу Каррасу, Николе Каррас, Генри Лангсаму, Барбаре Зив. Помощь в проведении исследований к первому изданию предоставили Эллен Арнольд и Кэтрин Келси Стейплс. Джесс Иззо помогла мне с проведением исследований для третьего издания. Я также выражаю благодарность Лауре Мозерсоль из издательства *Routledge* за ее помощь с разрешениями на использование защищенных авторским правом материалов.

Я многим обязана широчайшему кругу исследователей, которых слишком много, чтобы перечислить здесь всех; их имена и работы указаны в разделе «Дополнительная литература» в конце книги. Хотя я указывала источники только в тех случаях, когда использовала прямые цитаты, такая широкая обзорная работа неизбежно опирается на исследования других ученых, и я указала, какие разделы этой книги опираются на идеи тех или иных исследователей.

Благодарности издателя

Издатели выражают благодарность за разрешение на использование материалов, защищенных авторским правом: Музею Альбертины (Вена), Библиотеке замка Шантильи; Муниципальной библиотеке Ажена; Национальной библиотеке Франции; Управляющему совету Британской библиотеки; Библиотеке университета Гейдельберга; Библиотеке Хоутона (Гарвард); Медиатеке Франсуа Миттерана (Пуатье); Метрополитен-музею (Нью-Йорк); Музею гобелена (Байё); Музею Ролена; Музею Майорки; Австрийской национальной библиотеке; Пейнтону Ковену; Музею Рединга; Земельной и университетской библиотеке Гамбурга; Художественному музею Уолтерса.

1

Секс и Средневековье

Если спросить, какие ассоциации у вас вызывают слова «Средневековье» и «сексуальность», то у многих людей в голове возникнет одна из следующих картин. Первая – это картина полного подавления сексуальности: церковь, которую контролируют давшие обет безбрачия мужчины, порицает все действия и помыслы сексуального характера как греховные. Любое сексуальное поведение или мысль – это грех, требующий сурового наказания. Даже секс в браке с целью продолжения рода едва-едва допустим и становится грехом, если приносит наслаждение партнерам. Сексуальность ставит под угрозу спасение души: ее злой силе почти невозможно сопротивляться. Дьявол всегда насылает сексуальное искушение, чтобы уничтожить человечество и обречь его на вечные муки в аду.

Эту точку зрения – что в Средневековье сексуальность рассматривали как абсолютное зло и пытались подавить – поддерживает множество средневековых текстов. Например, мы можем обратиться к трудам отцов-пустынников: в период поздней Античности (IV–V века нашей эры) было составлено несколько сборников изречений и деяний монахов, живших в египетской пустыне в уединенных кельях (отшельническое монашество) или в группах (общественное монашество). Эти тексты были переведены на латынь, а затем на ряд национальных европейских языков, и стали весьма популярны. В них можно встретить примеры героического самоистязания за сексуальные помыслы. В одной из таких историй дьявол подсылает женщину соблазнить монаха: она заявляет, что потерялась, и просит переночевать в его келье, поскольку она боится диких зверей.

Размышляя о популярности и распространенности подобных сюжетов, мы не можем не решить, что средневековая Европа была культурой с крайне негативным отношением к сексу. С сексуальным желанием было необходимо бороться, иногда даже ценой невероятных лишений: оно считалось порочным, оно ставило под угрозу спасение души. Данная книга охватывает период примерно с 500 по 1500 годы, то есть западноевропейское Средневековье – и, разумеется, за это время взгляды менялись; однако приведенная выше история оставалась популярной на протяжении тысячи лет, а значит, в некоторых аспектах средневековое понимание роли секса в человеческих отношениях оставалось довольно стабильным.

Этой суровой картине противостоит другой образ – более приземленный. Похотливые монахи соблазняют женщин, пришедших на исповедь; знатные мужчины содержат любовниц; монахи и монахини тайно поддерживают связь; крестьяне ведут совершенно разнузданную жизнь... Такой взгляд предполагает, что церковь лицемерна, а ее суровые учения игнорировались средневековыми людьми, которые жили с огоньком, исчезнувшим позднее, в более пуританскую эпоху.

Средневековые тексты позволяют поддержать и эту версию – приземленную, сладострастную, игривую. Хорошим примером могут послужить истории Чосера и Боккаччо или французские фавлю (юмористические стихотворные рассказы). В одном из таких рассказов жена изменяет своему мужу с молодым любовником:

А те вдвоем, рука в руке,
Уже в опочивальню входят.
Постель там постланной находят;
И дама друга своего,
Не опасаясь никого,
Целует жарко, обнимает...

Школяр же сразу приступает
К тому, что нам велит любовь:
Пытает силы вновь и вновь
В игре, приятнейшей из всех,
А даме – слаще нет утех!
И долго нежились на ложе
Они, в объятых тесных лежа¹.

В подобных сюжетах и мужчины, и женщины получают в сексуальных отношениях удовольствие. Они делают то, что заложено в них природой: ими не движет желание продолжить род, и их не удерживает представление о сексуальности как о грехе. Это не провокационная экстремистская литература и не средневековый эквивалент порнографии. Исследователи спорят о том, кто был аудиторией таких фаблю и им подобной литературы – аристократия или горожане – но эти истории читали и мужчины, и женщины, включая, без сомнения, многих священнослужителей: читали открыто и с удовольствием.

Третье представление об отношении средневековых людей к сексу намного мрачнее: оно описывает сексуальное насилие против женщин, геев, трансгендеров, детей – иными словами, всех уязвимых социальных групп – которому XXI век уделяет особое внимание. Особенно ярко это представление отобразено в неосредневековых культурных артефактах наподобие сериала «Игра престолов», где повсеместно распространено не только насилие, но и садизм. Действительно, в Средние века женщины, которые путешествовали без защиты мужчин, как Марджери Кемпе, могли опасаться изнасилования; христиане рисовали себе картины сексуализированных пыток – например, что язычники отрезали женщинам груди, чтобы заставить их отречься от христианства; девочек если выдавали замуж с наступлением менархе повсеместно, то по крайней мере такие случаи никого не удивляли; и нередко встречались случаи, когда священники растлевали мальчиков. Однако язычники в средневековых текстах пытаются христиан потому, что они пытаются заставить их отречься, а не потому что они получают от этого удовольствие; мужчины же, которые совершают насилие в средневековых текстах, чаще всего делают это поскольку хотят секса, а не потому что хотят доминировать – в отличие от современных изображений средневековой жизни (хотя, как мы увидим ниже, эти две вещи иногда были не вполне отделимы друг от друга в мире, который практически приравнивал секс к пентрации). Разница между этими мотивами примерно такая же, как между пилигримом Данте, который смотрит, как демоны пытаются грешников, и крестоносцем Данте из соответствующей видеоигры, где протагонист причиняет грешникам – по крайней мере, женщинам – намного более сексуализированные страдания, нежели те, что описаны в поэме Данте.

Все эти представления о средневековой сексуальности в чем-то верны, но все они основаны на современных прочтениях исторических текстов. Но дело даже не только в том, что отношение к сексу со временем менялось (хотя оно менялось); дело еще в том, что в рамках одной культуры сосуществовало несколько разных точек зрения. Конечно же, в средневековой Европе не было одной-единственной культуры: во многом латинское христианство можно рассматривать как единую культуру с некоторыми региональными вариациями, но нельзя забывать также о мусульманских политиях на Пиренейском полуострове и Сицилии, а также о еврейских общинах, существовавших по всей Европе – как в христианских государствах, так и в мусульманских. Сексуальность средневекового мусульманского мира окутана теми же – если не худшими – культурными стереотипами, что и сексуальность мира христианского: достаточно вспомнить образ гарема как места, существующего исключительно для удовольствия

---

¹ “The Good Woman of Orléans,” in *The Fabliaux: A New Verse Translation*, trans. Nathaniel E. Dubin (New York: Liveright, 2013), 629. (Фаблю. Старофранцузские новеллы: «Горожанка из Орлеана»: пер. С. Вышеславцевой)

мужчин, или представление о сексуальной эксплуатации рабов – как мужчин, так и женщин, или идею о семидесяти двух гуриях, которые будут наградой праведникам... Все эти образы прочно вошли в западный культурный вокабуляр, и они тоже основаны на средневековых текстах: в самой старой из дошедших до нас версий повесть о Шахрияре, обрамляющая остальные сказки «Тысяча и одной ночи», включает в себя историю о неверности жены Шахрияра и ее рабынь с африканскими рабами, жившими во дворце:

Царица и десять рабынь, которые, как поясняет текст, были наложницами царя, были казнены (история умалчивает, что произошло с рабами-мужчинами), и царь приходит к выводу о том, что все женщины распутны, и в результате устанавливается следующий порядок: царь каждую ночь выбирает новую девушку, а утром ее казнит. Этот порядок смогла нарушить только Шахерезада, которая блестяще умела рассказывать сказки.

Даже в Средние века действие «Тысяча и одной ночи» было отнесено к глубокому прошлому далекой страны (Индии), так что вряд ли она описывает реальную практику, но повсеместное требование целомудрия от женщин при сравнительной свободе мужчин – по крайней мере среди элиты – встречается в средневековых текстах повсеместно, и прямота в отношении секса здесь сочетается со строгостью религиозных догматов.

Даже в рамках одной только христианской культуры сформировались противоречащие друг другу идеи – равно как и в современной культуре можно встретить разные взгляды на сексуальность. Если вы вспомните, что о сексе и сексуальности думают разные ваши знакомые, вы обнаружите не только что разные люди придерживаются разных взглядов, но и что даже один человек может занимать разные позиции в зависимости от обстоятельств. Люди впитывают и осмысливают культуру на самых разных уровнях. Тема секса сложна особенно, поскольку она связана с религиозной моралью, общественным порядком, гендерными взаимоотношениями и репрезентациями, а также с особенностями склада ума и мировоззрения конкретных людей. Нас не должно удивлять, что такой сложный вопрос порождает запутанную сеть взглядов и представлений – а значит, эта книга ставит перед собой задачу не выявить один средневековый взгляд на сексуальность, а описать множество взглядов, которые вместе составляют соответствующий опыт живших в Средние века людей.

Стереотипы о средневековой сексуальности сильно связаны с гендером. Можно смело утверждать, что первый – «репрессивный» – стереотип, который ассоциируется с влиянием церкви, чаще всего проникает в светскую жизнь как представление о том, что женщина активна, но порочна; второй, более приземленный стереотип, который связан с мирской культурой, проникает в церковные тексты в качестве представлений о том, что мужчины активны, но их активность следует восхвалять; третья же позиция представляет женщину как пассивную жертву. Сексуальное поведение женщин считалось греховным, порочным или попросту игнорировалось; сексуальное поведение мужчин считалось следованием зову природы. Любопытный современный читатель знает, что такие двойные стандарты. Во всей этой книге будет считаться очевидным, что одно и то же действие для мужчин и для женщин оценивалось по-разному. Во многих случаях средневековые люди не рассматривали действия партнеров как участие в одном и том же акте.

По большей части средневековые люди понимали секс как действие, которое один человек совершает над другим. Подзаголовок этой книги – Властвуя над другими (Doing Unto Others), – отражает эту идею. Глаголы, которые сегодня используются для описания полового акта, чаще всего непереходные – «заняться сексом», «заняться любовью»: это действие, которое два человека совершают вместе, а один человек совершает над другим. Даже английский глагол *to fuck* («трахаться»), который изначально подразумевал пенетрацию, сейчас используется в качестве непереходного или в равной степени описывает действия как мужчин, так и к

женщин: вполне можно сказать и *they fucked* (они трахались), и *she fucked him* («она его трахнула»).

Средневековая терминология была иной. Например, субъектом французского глагола *foutre* сегодня может быть мужчина, женщина или пара, но раньше его значение было «пенетрировать», и его субъектом мог быть только мужчина. То же в большинстве случаев было верно и для английского глагола *swiven*. Словарь среднеанглийского языка – Middle English Dictionary – указывает два значения для *swive*, «вступать в половой акт» и «вступать в половой акт с (женщиной)». Примеров употребления этого глагола во втором, переходном значении намного больше, и во всех них мужчина является субъектом, а женщина объектом². Первоначальное значение латинского *concupere* было «возлечь с», и оно может показаться гендерно-нейтральным, но чаще всего субъект здесь был мужчиной. Так, в 1395 году в Лондоне был допрошен трансвестит, занимавшийся проституцией, и, согласно его показаниям в протоколе, некий священник «возлег с ним [concupuit] как с женщиной», но он сам «возлег [concupuit] как мужчина со многими монахинями»³. В одном средневековом английском тексте о греховности похоти тщательно разъясняется, что грех лежит на обоих участниках полового акта, то есть на «муже действующем и жене претерпевающей»⁴.

Все эти лингвистические формы отражали общее отношение к сексу в Средние века. Средневековые люди чувствовали связь между активным и пассивным залогом в грамматике и активной и пассивной ролью в сексе. В XII веке Алан Лилльский написал поэму под названием «Плач природы», где он проводит параллели между определенными грамматическими формами и мужчинами, извращающими природу тем, что выбирают пассивную роль в половом акте: «Рода действительного опозоренный пол перепуган, Видя, как горько ему кануть в страдательный род. Пола часть своего пятнает муж, ставший женою... Он предикат и субъект, с двумя значеньями термин». Сама персонификация Природы утверждает, что «человеческий род, из своей родовитости выродившись, в конструкции рода варварствуя, Венерины правила извращая, пользуется неправильным метаплазмом»⁵. Мы обсудим роль природы и естественного в средневековом понимании сексуальности дальше в этой главе; пока что важно отметить, что средневековые люди в целом рассматривали активную и пассивную роль в сексе как совершенно разные действия.

Роли «активного» и «пассивного» партнера не обязательно были основаны на том, кто инициировал секс или кто больше им наслаждался. Многие средневековые авторы считали, что женщины похотливее мужчин. Их предполагаемая пассивность не значила, что они не инициировали сексуальные отношения или что от них ждали, что они будут неподвижно лежать на спине: это значило, что они претерпевали пенетрацию. Точно так же различие между «активным» и «пассивным» партнером в отношениях между мужчинами подразумевало, что один из них пенетрирует, а другой претерпевает пенетрацию. (Это разделение провести сложно, например, в случае с фелляцией, но в Средние века такие вопросы обсуждались редко.)

Итак, секс рассматривался как нечто, что один человек делал над другим. Одно из последствий такого отношения к сексу состояло в том, что в понимании средневековых людей партнеры в сексе не были вовлечены в один и тот же акт и не получали один и тот же опыт. В средневековых представлениях о сексе взаимность не была важна. Чаще всего партнеры

² Middle English Dictionary, ed. Robert E. Lewis (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988), s.v. *swiven*.

³ David Lorenzo Boyd and Ruth Mazo Karras, “The Interrogation of a Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-Century London,” *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies* 1 (1995), 463.

⁴ *Memoriale Credencium: A Late Middle English Manual of Theology for Lay People*, Edited from Bodley MS Tanner 201, ed. J.H.L. Kengen (Nijmegen: n.p., 1971), 141. Под «претерпеванием» имеется в виду не терпение боли, а просто пассивная роль женщины. (Прим. пер.)

⁵ Alain of Lille, *The Plaint of Nature*, trans. James J. Sheridan (Toronto: Pontifical Institute for Medieval Studies, 1980), 67–8, 133–5. (Алан Лилльский, «Плач Природы», пер. Р. Л. Шмариков)

были разных полов, и в результате средневековые люди понимали мужской и женский опыт в сексе совсем по-разному; когда же партнеры были одного пола, возникали концептуальные проблемы. Например, в средневековых текстах возникла серьезная путаница насчет морального статуса эротических актов между женщинами, которые зачастую не считались сексом, если только одна из женщин не применяла дилдо.

Структура этой книги во многом продиктована тем, что мужской и женский опыт в сексе понимался по-разному. Современные исследователи признают, что опыт изнасилования в Средневековье переживался насильником и жертвой по-разному, однако они зачастую рассматривают прочие сексуальные акты (блуд, прелюбодеяние, проституцию, гомосексуальное поведение) как действия одного типа, примерно одинаковые в социальном и моральном плане для обоих партнеров. Но так как эти действия одинаковыми для обоих партнеров не были, эта книга структурирована не по типу сексуальных актов, а по статусу тех, кто их совершал (или не совершал – в случае с главой о целомудрии).

Возможно, решение выделить в книге отдельные главы о мужчинах и о женщинах и не покажется читателю спорным, но все же стоит объяснить лежащие в его основе причины. Некоторые исследователи утверждают, что средневековое понимание секса и гендера было небинарным. Например, некоторые считают, что для средневековых ученых, которые придерживались взглядов Аристотеля, существовал только один пол – мужской, а женщины считались бракованными мужчинами. Другие утверждают, что и от мужчин, и от женщин в средневековом обществе ожидалось продолжение рода, а значит – те люди, которые выбрали целибат и отказались от продолжения рода, становились не мужчинами или женщинами, а третьим гендером. Есть также мнение, что средневековый гендер был подвижным, что люди могли занимать различные гендерные позиции в зависимости от ситуации.

Однако все эти идеи разбиваются о невероятно строгое бинарное противопоставление мужчин и женщин в средневековом обществе. Хотя теоретики могли писать, что женщины – это бракованные мужчины, эти дефекты были достаточно значительными, чтобы всерьез никто их не считал мужчинами: женщины были совершенно самостоятельной категорией. Эта категория в общей иерархии стояла ниже мужчин – они были совершенно точно не «другие, но равные» – и разница между женщинами и мужчинами была существенной и для богословов, и для остальных средневековых людей. Точно так же тех людей, которые не продолжали род, в какой-то степени могли считать «недомужчинами» или «недоженщинами», но любой средневековый человек без колебаний определил бы монахинь как женщин, а монахов как мужчин. Таким образом, женщины, которые выходили за рамки гендерных ожиданий, не становились неженщинами, даже временно: они становились неправильными женщинами, и то же было верно и для мужчин. Иногда их даже рассматривали как гиперженственных или гипермаскулинных: их неправильность заключалась в том, что они слишком сильно акцентировали в себе те качества, которые другие представители их гендера держали под контролем. Женщина, которая играла мужскую роль в сексе, или мужчина, который играл роль женскую, действительно нарушали ожидания, но тем самым они не переходили в противоположный или третий гендер. Дихотомия сохранялась.

Оценка конкретных сексуальных актов – это не то же самое, что понимание сексуальности как области человеческого опыта. Прежде чем обращаться непосредственно к средневековой сексуальности, необходимо сделать небольшое отступление и обсудить само это понятие. Как и многие другие общие понятия, «сексуальность» может обозначать разные вещи, и важно уточнить, что оно значит в данном контексте. Многие исследователи считают, что даже говорить о сексуальности в отношении средневековой Европы – это анахронизм, однако это не так. Возможно, это не та концепция, которой пользовались средневековые люди – ни в одном из средневековых языков нет слова, которое переводилось бы именно как «сексуальность» – но в этих языках нет и слов, которые бы переводились как «политическая культура», или «аффек-

тивное благочестие», или «патриархальная семья», или другие термины, которые мы без проблем используем для описания средневековой жизни.

Исследования сексуальности

Понятие «сексуальность» в том значении, в котором его используют исследователи, относится ко всей сфере эротического опыта человека. Как пишет Анна Кларк: сексуальность – это «желания, отношения, действия и идентичности, связанные с сексуальным поведением. Желания, отношения, действия и идентичности не протекают автоматически одно из другого; их следует рассматривать по отдельности, и зачастую они по отдельности и конструируются»⁶. Сексуальность – это те смыслы, которые люди вкладывают в половой акт, а не сам этот акт. История сексуальности как область исследований не равна истории секса: история секса описывает, кто что с кем (или над кем) делал. Некоторые авторы предпочитают использовать термин «история сексуальностей» (во множественном числе), чтобы подчеркнуть: сексуальность не может быть единственной, и в любую историю следует включать и взгляды инакомыслящих. Но «история сексуальности» – это не то же самое, что «история сексуальностей». «Сексуальность» – это форма бытия или по крайней мере более фундаментальная для индивида форма желания, нежели просто предпочтение: «сексуальная идентичность» и «сексуальная ориентация» – это связанные (современные) термины, которые выражают эту идею. В современном мире гетеросексуальность и гомосексуальность – это наиболее часто встречающиеся формы сексуальности. «История сексуальностей» искала бы истоки этих и иных форм сексуальности, но «история сексуальности» – это более широкий термин. Так, мы можем говорить о разных «химиях», но использовать слово «химия», чтобы описывать химическую науку в целом, и точно так же исследование сексуальности включает в себя исследование разных сексуальностей и значение секса для тех людей, которые не идентифицировали себя с конкретными сексуальностями, как мы их сейчас понимаем.

Понятия «пол», «гендер» и «сексуальность» (как их используют и в исследовательском дискурсе, и в бытовой речи, а также в этой книге) имеют разные значения. Понятие «пол» описывает биологические особенности мужского или женского тела – гены, гормоны, половые органы и так далее. «Гендер» связан с понятиями «маскулинность» и «феминность», поведенческими паттернами и идентичностью. «Сексуальность» описывает ориентацию или влечение. Таким образом, человек мужского пола может иметь женскую гендерную идентичность и бисексуальную ориентацию. Все эти три термина в бытовой речи пересекаются даже сегодня. Для нас важно понимать, что в Средние века разница между ними не то что была размыта – ее просто не было. Если сексуальное поведение человека отклонялось от ожидаемой модели, никто не предполагал, что это отклонение могло быть связано с биологией, или с гендерной идентичностью, или с сексуальным влечением; все эти три понятия были едины. В то время как мы можем сказать, что у некоторого человека женское тело, женская гендерная идентичность или поведение, и для него характерно сексуальное влечение к женщинам, средневековые люди считали, что влечение к женщинам происходит из мужского тела и составляет мужское поведение. Для них сексуальность была неотделима от пола и гендера; следовательно, эта книга затронет не только вопросы сексуальности в Средние века, но темы пола и гендера.

Сегодня и СМИ, и общественные обсуждения сексуальности сосредотачиваются на вопросе о том, является ли сексуальность врожденной или же человек свободен в ее выборе. Научная полемика сосредоточена на несколько ином вопросе: являются ли различные виды сексуальности субстанциальными (то есть существуют ли они независимо, во всех культурах) или же это социальный конструкт (то есть они порождены смыслами, которые различные культуры вкладывают в половой акт)? Сегодня ученые пришли к единому мнению: сексуальность – это социальный конструкт. Она не заложена в теле человека, но сформирована обществом.

---

⁶ Anna Clark, *Desire: A History of European Sexuality* (New York and London: Routledge, 2008), 3.

Люди разных культур могут производить одни и те же действия, но они не будут тем самым выражать одну и ту же сексуальность, поскольку эти действия в разных культурах будут нести разные смыслы и будут поняты по-разному. Как говорил классик Дэвид Гальперин: «У секса истории нет: это естественный процесс, связанный с функционированием человеческого организма, и, следовательно, он лежит вне сферы истории и культуры. Сексуальность же, напротив, не относится к какому-либо аспекту или свойству человеческого организма. В отличие от секса, сексуальность есть культурный продукт: она представляет собой присвоение человеческого организма и его физиологических возможностей каким-либо идеологическим дискурсом. Сексуальность – это не телесный факт: это культурный эффект»⁷.

Одно из худших преступлений, которое человек может совершить в современном западном обществе, – это сексуальное насилие над ребенком, то есть над тем, кому меньше восемнадцати лет. В Средние века эту идею сочли бы абсурдной. Девочки могли выходить замуж в двенадцать лет, мальчики могли жениться в четырнадцать, но любой человек, который вступил бы в сексуальные отношения с ребенком младше этого возраста встретил бы не больше общественного порицания, чем в случае внебрачных сексуальных отношений со взрослым человеком. Существовало понятие возраста согласия, но оно применялось только к необратимым клятвам, даваемым, например, при заключении брака или при вступлении в монашеский орден. Общество могло воспринимать секс мужчины с мальчиком как более нормальный, чем со взрослым мужчиной: само действие в разные исторические эпохи может быть одним и тем же, но оно может иметь разные последствия для идентичности актора. Эссенциалист скажет, что педераст в любую эпоху остается педерастом; с позиции социального конструктивизма сексуальная и социальная идентичность мужчины, который вступает в сексуальные отношения с несовершеннолетними мальчиками (или девочками), зависит от культуры, в которой он живет, и такая позиция намного полезнее для понимания сексуальности в более широком социальном контексте.

Идея о том, что сексуальность есть продукт культуры и общества, особенно важна при попытке отследить историю взаимоотношений между людьми одного пола. Даже просто сказать «история гомосексуальности» не вполне корректно: понятие гомосексуальности можно найти далеко не во всех культурах. Исследователи в области истории Древней Греции и Древнего Рима скажут, что в те времена сексуальное поведение или сексуальность определялись не на основании гендера участников, а на основании роли, которую они играли в половом акте. Таким образом, мужчина, который пенетрирует партнера, просто-напросто играет мужскую роль, и он не становится «гомосексуалом» просто из-за того, что человек, которого он пенетрирует, также мужчина. Некоторые исследователи в принципе считают, что понятие «гомосексуальность» в принципе не существовало до второй половины XIX века: именно тогда ее стали изучать в рамках патопсихологии; другие исследователи находят, что определенные виды сексуальной идентичности в других культурах похожи на современное понятие «гомосексуальность». Но большинство сходятся на том, что называть «гомосексуалом» человека из другой исторической эпохи, если он вступал в сексуальные отношения с представителями своего пола, значит навязывать той эпохе современное понятие. Это применимо и к другим категориям сексуального поведения – к понятиям гетеросексуальности, бисексуальности, проституции и любым другим. Действия могут быть те же самые, но каждое общество по-своему определяет значения этих действий и то, каким образом они влияют на сексуальную идентичность.

Возможно, с понятием гетеросексуальности все обстоит несколько проще? На первый взгляд может показаться, что независимо от того, можно ли назвать определенное меньшинство людей в Средние века «гомосексуальными», большинство совершенно точно были «гетеросексуальными». Однако, осмысляя понятие гетеросексуальности, особенно важно помнить

⁷ David M. Halperin, "Is There a History of Sexuality?" *History and Theory* 28 (1989), 257–74, quote at 257.

о том, образует ли данное поведение и данные взгляды отдельную идентичность. Гетеросексуальность – как в Средние века, так и сегодня – зачастую выступает немаркированной категорией: большинство предполагает, что она является нормой и, таким образом, часто не замечает, что это такой же социальный конструкт, как гомосексуальность.

Если в Средние века люди не воспринимали «гомосексуальность» как отдельную категорию, то они не воспринимали и «гетеросексуальность» как таковую. Возможно, большая часть средневековых мужчин занималась сексом исключительно с женщинами, а большая часть средневековых женщин занималась сексом исключительно с мужчинами, но было бы ошибочно приписывать им сознательное восприятие своей сексуальной ориентации как гетеросексуальной, если у нас нет прямых тому доказательств – а их у нас по большей части нет. Средневековые люди различали не «геев» и «натуралов», а репродуктивный и нерепродуктивный секс. Секс с представителями своего пола репродуктивным не был, но и большая часть сексуальных контактов с представителями противоположного пола к рождению детей не вела тоже – и тот факт, что они были «гетеросексуальными», это никак не оправдывал.

Возможно, было бы неправильным называть брак нормой для средневековых людей, поскольку многие христианские авторы рассматривали секс в браке как необходимое зло; тем не менее, от большинства людей ожидалось, что они должны вступить в брак. Это не значит, что гетеросексуальное желание считалось правильным или что оно было естественным состоянием, которому противопоставлялись все остальные: оно было «похотью», результатом непослушания Адама и Евы. Как пишет Карма Лохри:

«Средневековой богословской культурой правят в первую очередь нормы продолжения рода и целомудрия, а не гетеросексуальности, и между ними есть гигантская разница. Содомия как подкатегория распутства, пусть и клеймится как извращение, находится более-менее в одном ряду с другими «гетеросексуальными» пороками, где желание непомерно, а гендерные роли смешиваются».

Приверженцы точки зрения, противоположной социальному конструктивизму, – социальные конструктивисты называют ее эссенциализмом – утверждают, что в мире существуют фундаментально разные типы людей и что в каждой культуре есть люди с гомосексуальной, гетеросексуальной и другими видами ориентации. Популярный список «знаменитых геев в истории» по сути своей эссенциалистский; эссенциализм же лежит в основе современных попыток найти генетические маркеры предрасположенности к гомосексуальности. Именно эссенциалистской позиции придерживаются те активисты, которые полагают, что общество будет более толерантным, если гомосексуальность будет пониматься как нечто врожденное, а не результат свободного выбора. Но социально-конструктивистское понимание сексуальности не подразумевает, что человек выбирает свою идентичность: оно лишь описывает, как культура придает половым актам значение посредством медицинских, юридических и религиозных систем, которые формируют для носителей данной культуры различные виды сексуальной идентичности, и эти виды идентичности абсолютно реальны.

Эта книга основана на представлении о том, что мы должны исследовать, как средневековые люди понимали сексуальность, а не навязывать им современный понятийный аппарат. Однако некоторые заходят еще дальше и утверждают, что не только знакомые нам категории, но и само понятие сексуальной ориентации или сексуальности является порождением капитализма и буржуазной культуры. Эта точка зрения восходит к идеям французского философа Мишеля Фуко, высказанным в его важнейшей работе «История сексуальности». По мнению Фуко, только в XIX веке жители Европы и Северной Америки начали рассматривать свои сексуальные предпочтения как часть личностной идентичности. В других обществах люди могли иметь предпочтения относительно партнера, роли или особенностей полового акта, но эти предпочтения не определяли их как личность. Как писал Фуко:

«Содомия – какой она была в древнем гражданском и каноническом праве – являлась определенным типом запрещенных действий, виновник ее был лишь юридическим лицом. Гомосексуалист XX века стал особым персонажем: с соответствующими прошлым, историей и детством, характером, формой жизни, равно как и морфологией, включая нескромную анатомию, а также, быть может, с загадочной физиологией. <...> Гомосексуальность появилась как одна из фигур сексуальности, когда ее отделили от содомии и связали с некой внутренней андрогинией, неким гермафродитизмом души. Содомит был отступником от закона, гомосексуалист является теперь видом».

Классификация людей на основании их сексуального поведения в более ранние эпохи была удобным, но не особо глубоким с точки зрения психологии средством категоризации. (Некоторые влиятельные исследователи утверждают, что заявление об отсутствии сексуальности до капитализма – это искаженное прочтение взглядов Фуко. Когда Фуко привел свою знаменитую дихотомию «действие – идентичность», он не имел в виду, что раньше были только действия, а в современную эпоху появились идентичности: он имел в виду различные виды дискурса или способы осмысления секса. Раньше у нас были правовые акты, которые регулировали только действия; позднее появился медицинский и психологический анализ, касающийся идентичностей.)

Эта книга отвергает идею о том, что понятие сексуальности не подходит для анализа Средних веков. Сексуальный статус средневекового человека фундаментальным образом влиял на его идентичность – но этот статус заключался не в том, был ли он гомосексуалом или гетеросексуалом, как сегодня, а в том, хранил ли он целомудрие или был сексуально активным. В результате средневековое общество оказывается разделенным на два совершенно разных типа людей. Когда речь заходит о других категориях сексуального, мы должны рассмотреть средневековые документы и решить, какими категориями пользовались – если пользовались – средневековые люди. Если мы без раздумий отбросим возможность, что у них могло быть понятие о сексуальности, то мы настолько же упростим картину, как если бы мы предположили, что их понятие сексуальности было таким же, как и у нас.

Для описания ненормативной сексуальной и гендерной идентичности в последнее время исследователи обращаются к понятию «квир». Здесь не лучшее место, чтобы в подробностях рассматривать квир-теорию в различных гуманитарных дисциплинах, особенно в художественной литературе, но следует сказать пару слов о том, насколько квир-теория применима к средневековому периоду. В одном из значений «квир» просто бросает вызов социальным нормам, и этот термин может ассоциироваться с гомосексуальностью, но может также использоваться и теми людьми, которые выбирают идентичность вне дихотомии «гомосексуальность – гетеросексуальность». Квиром можно назвать любого человека, который не вписывается в культурные ожидания: так Тайсон Пью утверждает, что трактирщик Гарри Бэйли из «Кентерберийских рассказов» Чосера «квир», поскольку властный и сварливый характер его жены бросает тень на его маскулинность. Но «квир» может также подразумевать и новый подход к анализу средневековых текстов, который отбрасывает гетеронормативность; такой подход предполагает, что изображенные в текстах люди не обязательно гетеросексуальны (если не указано обратное), что может открыть для нас широкие возможности для интерпретации. Такой подход стремится «разрушить гетеросексуальную парадигму исследований»⁸. Кроме того, «квир» может подразумевать ненормативную гендерную идентичность, поскольку, как утверждают многие исследователи и как впоследствии мы увидим в этой книге, средневековая сексуальная идентич-

---

⁸ Karma Lochrie, "Mystical Acts, Queer Tendencies," in *Constructing Medieval Sexuality*, eds. Karma Lochrie, Peggy McCracken and James A. Schultz (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997), 180.

ность во многом связана с гендерной идентичностью. Читать таким образом тексты – значит «квирить» их. «Квирить» Средние века не значит утверждать, что определенные исторические лица или литературные персонажи имели гомосексуальную ориентацию, но значит отходить от разделения на гомосексуалов и гетеросексуалов. Уильям Бургвинкл утверждает, что если любое нерепродуктивное сексуальное поведение можно маркировать как «содомию», то все читатели могут идентифицировать себя с «содомитами». Нет гомосексуальности и гетеросексуальности; все люди живут в некоторой «квир-утопии», где «все читатели могут побыть маргинальными бунтарями»⁹. Разумеется, быть маргинальным бунтарем в Средние века было не столь привлекательно, как это может показаться сегодня, но тот факт, что самое разное поведение клеймилось как содомия, пожалуй, больше вредил тем, кто придерживался такого поведения, нежели универсализировал содомию.

«Квирить» текст может также обозначать его реинтерпретацию на самом базовом уровне: если любовная поэзия обращена к мужчине, исследователи на протяжении долгого времени предполагали, что она написана от лица женщины (и наоборот), но не факт, что средневековые читатели подходили к этим текстам с той же позиции. В пример можно привести древнеанглийский «Плач жены»: исследователи расходятся во мнениях насчет того, указывает ли грамматика, выбор слов и исторические реалии тех времен на то, написан ли текст от лица мужчины или женщины. «Квирить» текст – также значит исследовать, как этот текст конструирует сексуальность, а не как он описывает или изображает сексуальность, существующую вне текста; в этом смысле это литературоведческий метод, однако историкам необходимо понимать природу литературных и иных текстов, чтобы использовать их как исторические источники. Квир-теория снова напоминает нам о том, что тексты не являются безупречными отражениями существующих вне текста концепций.

«Квир» сегодня подразумевает не только сексуальность, но и гендерную идентичность. Понятие «гендерквир» используется как альтернатива для «трансгендер» и относится к людям небинарной гендерной идентичности (то есть к тем, кто не идентифицирует себя как мужчину или женщину). Гендерная идентичность не совпадает с сексуальной ориентацией (иными словами, женщину могут привлекать женщины, мужчины или те, и другие), однако гендерквир также относится и к сексуальности, поскольку гендерквир не может быть «натуралом» или «геем». Средневековые люди не разделяли гендерную и сексуальную идентичность так, как мы сегодня, но иногда они подвергали сомнению строгое соответствие между биологическим полом и гендерной идентичностью. В этой книге мы сосредоточимся на вопросах сексуальности, но их невозможно обсуждать, не обращаясь при этом к вопросам гендера.

---

⁹ William Burgwinkle, "Queer Theory and the Middle Ages," *French Studies* 60 (2006), 79–88, here 79.

Источники знаний о средневековой сексуальности

Работать со средневековыми источниками, разумеется, невероятно сложно. Отношение средневековых людей к сексу необходимо устанавливать на основании массы различных источников. Люди в Средние века не вели дневники – а когда они пересказывали события своей жизни или писали автобиографии, они редко прямо описывали свой сексуальный опыт. Художественная литература порой говорит о сексе более прямо, но возникает проблема, как ее интерпретировать. Львиная доля дошедших до нас письменных источников христианской Европы представляет собой тексты, написанные монахами и священнослужителями, принявшими обет безбрачия; тексты, написанные женщинами, встречаются не так редко, как можно было бы предположить, но все же нечасто. Следовательно, большая часть наших знаний о восприятии сексуальности в Средние века – это мысли теологов и канонистов, а не мысли тех, кто был сексуально активен – простых людей.

Со всеми средневековыми источниками связан ряд общих проблем. Во-первых, нужно учитывать личность автора. Средневековый текст не выражает «средневековую позицию» по определенному вопросу: он отражает позицию конкретного автора, сформированную ее или (чаще всего) его социальным статусом, образованием, религией и родом деятельности. Во-вторых, нам нужно учитывать особенности аудитории. Мы не всегда знаем, для кого был написан тот или иной текст, хотя иногда мы можем это определить исходя из содержания самого текста или из данных о владельце текста (до самого конца XV века все тексты существовали исключительно в рукописном виде). Только небольшая часть общества могла позволить себе иметь книги или была достаточно грамотна, чтобы их читать. Для современного читателя и для средневековой аудитории текст может иметь совершенно разные смыслы. В-третьих, мы должны учитывать назначение документа – и этот вопрос включает в себя разнообразные проблемы с определением жанра. Ни один средневековый текст не писали специально для историков, которые будут исследовать сексуальность много веков спустя. Некоторые тексты предназначались для развлечения, некоторые должны были убеждать, некоторые – информировать, некоторые – продемонстрировать эрудицию автора, некоторые – зафиксировать информацию для будущих поколений... Большая часть средневековых текстов была написана для публичного распространения или, по крайней мере, публичного чтения. Несомненно, существовало множество личных писем и, возможно, дневников, но до нас их дошло немного. Средневековые письма, которыми мы сейчас располагаем, по большей части существуют потому, что они были скопированы в коллекции для публичного распространения (хотя некоторые были сохранены как часть истории или поскольку они служили доказательствами в судебных разбирательствах). Трудно найти средневековые тексты, которые были бы действительно «личными» в том смысле, в котором современные люди говорят о личных бумагах.

Основные источники исторической информации – это художественные, исторические, религиозные, юридические и медицинские тексты. Эти категории пересекаются (например, жития святых – это одновременно религиозная и историческая литература, тогда как мусульманские фетвы – это и религиозные, и юридические тексты). Ниже мы коротко обсудим богатство и разнообразие доступных нам источников, на основании которых мы можем делать выводы о средневековой сексуальности – все равно довольно зыбкие. По большей части мы будем обсуждать и интерпретировать конкретные источники в соответствующих главах, за исключением пары примеров, приведенных чуть ниже.

Литературные источники могут оказаться наиболее полезными для исследования истории сексуальности, поскольку (в отсутствие личных писем) художественная литература представляет нам наиболее живые примеры реальной средневековой жизни – по крайней мере на первый взгляд; но может оказаться, что они отражают жизнь средневековых людей так

же точно, как современное бульварное чтение отражает наши реалии. Литературное описание поведения людей не отражает напрямую их реальный жизненный опыт: более того, литература может больше формировать этот опыт, чем отражать его, поскольку она влияет на то, как люди осмысливают и интерпретируют события – и она совершенно точно влияет на то, как мы реконструируем опыт средневековых людей. Поведение литературных персонажей нельзя рассматривать как типичное, хотя мы, пожалуй, можем сказать, что оно вполне правдоподобно. Авторы зачастую пытаются не описать современную им культуру, в которой они живут, но представить себе культуру прошлого или какую-то мифологическую культуру. Средневековая литература зачастую опирается на сложные системы метафор и аллегорий, и то, что нам кажется связанным с сексом, на самом деле может быть написано совершенно о других вещах (например, любовная поэзия может повествовать о самой поэзии или о невозможности описать реальный мир), а то, что нам кажется совершенно посторонним (например, попытки сорвать розу или охота на газель), может оказаться связанным с сексом. Спустя столько веков может быть трудно или попросту невозможно определить, какие литературные ходы должны пониматься буквально, а какие – как юмор; а если мы воспринимаем какие-то пассажи как двусмысленные – насколько с нами согласились бы средневековые читатели или слушатели. Кроме того, средневековая литература зачастую опиралась на определенные каноны – другие средневековые или, еще лучше, античные тексты – и чтобы определить вклад конкретного автора, нам нужно знать, какие элементы его работы были заимствованы из других источников.

Множество подобных проблем связано и с иллюстрациями: они могут содержать двусмысленные аллюзии, которые, возможно, следует рассматривать как сексуальные или эротические – а возможно и нет, в зависимости от настроения зрителя. Опять же, здесь важно понимать не только ассоциации, которые данное изображение порождает в сознании современного зрителя, но и значение, которое оно должно было иметь для средневекового человека – и, как и в случае с литературой, эта тема порождает бурные дискуссии. Как писала историк искусств Дайан Вольфтал: «Хотя некоторые историки искусства обвиняют в анахронизме тех, кто “видит секс” в искусстве Средних веков и раннего Нового времени, на самом деле верно обратное»¹⁰.

Все эти факторы, которые нужно учитывать при использовании литературных произведений в качестве источников исторических исследований, также применимы к другим текстам – включая исторические труды, которые претендуют на изложение реальных событий. Разумеется, многие литературные источники также претендовали на решение этой задачи, и отделить художественную литературу от исторических трудов не всегда просто. Многие средневековые историки писали и чтобы зафиксировать события, и чтобы развлечь читателя, а также чтобы укрепить читателя в вере, и эта цель диктовала им, что именно следует включать в данный текст. Авторы исторических текстов, равно как и авторы более художественных произведений, иногда опирались на классические тексты – а это значит, что их работы нельзя рассматривать как точное описание средневековых культурных практик. Тем не менее, опираться на такие тексты для понимания истории сексуальности чуть проще, чем для понимания точного хода исторических событий: по ряду причин они искажают реальную картину того, кто что сделал, но история сексуальности рассматривает не кто что сделал, а как это понималось. Исторические тексты содержат в себе ряд точек зрения, которые, даже если не отражают мнение общества в целом, по крайней мере отражают представление автора о том, что его аудитория могла счесть правдоподобным. Если автор описывает любовную связь между конкретными людьми как нечто само собой разумеющееся, это не доказывает, что она была в действительности, но может указывать на то, что такого рода связи особо никого не удивляли.

¹⁰ Diane Wolfthal, *In and Out of the Marital Bed: Seeing Sex in Renaissance Europe* (New Haven: Yale University Press, 2010).

Понятие «религиозный текст» включает в себя широкий спектр средневековых письменных источников. Некоторые из них очень похожи на то, что мы назвали историческими текстами – в рамках христианской традиции это могут быть нравоучительные повествования о святых (агиография) или священная история. Сунны, то есть поступки из жизни пророка Мухаммеда, также можно считать историческими текстами. Некоторые тексты были дидактическими и объясняли сложные моменты религиозных учений; некоторые из них предназначались для непосредственного чтения, некоторые для использования священниками при составлении проповедей. Некоторые работы были написаны для образованной аудитории, например для теологов в университетах, медресе или иешивах; иные были проповедями, предназначенными для широкой общественности. Многие были комментариями к священным текстам. И в христианстве, и в исламе, и в иудаизме мы встречаем тексты похожего рода. О религиозных текстах важно помнить то, что ни в одной из этих трех религий не было единого органа, который контролировал бы религиозную доктрину. Христианство подобралось к этому ближе всех – таким авторитетом был папа римский – но даже в рамках средневекового христианства взгляды могли значительно различаться. Особо радикальные взгляды могли быть признаны еретическими, но существует масса вопросов, по которым абсолютно правоверные люди могли разойтись во мнениях. В частности, позиция по ряду вопросов могла сильно отличаться в зависимости от того, предназначен ли текст для монахов (принявших обет безбрачия) или обычных людей.

В рамках всех трех религий был создан значительный корпус юридических текстов. В христианстве такие работы – декреты римских пап, а также тексты отцов церкви и иных духовных авторитетов – образовывали каноническое право. В иудаизме существовали комментарии к Торе и Талмуду, равно как и корпус респонсов – решений известных раввинов по определенным вопросам. В исламе также можно выделить крупный корпус юридических текстов. Во всех этих трех религиях надлежащее сексуальное поведение установлено юридическими текстами. В западноевропейском светском праве вопросы сексуальности попадаются не так часто, как можно было бы ожидать – отчасти потому, что они попадали под юрисдикцию церкви; однако некоторые города и страны все же регулировали проституцию, содомию и иные сексуальные практики.

Проблема с такими нормативными и теоретическими текстами состоит в том, что не вполне понятно, как они соотносятся с реальной практикой и позицией средневековых людей по этим вопросам. Если что-то было запрещено, то не факт, что этого не существовало; напротив, можно предположить, что если какое-то действие запрещали, то власти были этим озабочены, то есть это, по-видимому, практиковалось. Однако законы ничего не говорят нам о причинах, которые вызвали беспокойство властей, равно как и не говорят нам о том, насколько это беспокойство было серьезным и глубоким: зачастую законы сохраняются на протяжении нескольких поколений и, следовательно, они могут и не отражать те проблемы, которые действительно волновали власти в тот или иной момент. Точно так же они ничего не говорят нам о том, следовали ли люди этим законам или игнорировали их.

Кроме того, мы располагаем множеством документов из юридической практики – от судебных материалов, содержащих реальные показания и решения, до протоколов инквизиции, контрактов и завещаний. Эти тексты настолько приближают нас к реальной средневековой жизни, насколько это в принципе возможно, но даже с ними следует работать с осторожностью. Протоколы церковных судов написаны по-латыни, даже если показания были даны на народном языке, а это значит, что они отражают то, как рассматриваемые вопросы понимал судебный секретарь. Часто они написаны очень формальным правовым языком: спонтанная речь людей, описывавших свой опыт, до нас не дошла. В любом случае мы не можем знать, насколько типичными были события, зафиксированные в судебном протоколе или юридическом заключении. Были ли эти практики маргинальными? Или же подобное поведение прак-

тиковали многие, но только нескольких смогли поймать? Были ли они действительно виновны во вменяемом им преступлении? В случаях с предписаниями, контрактами и завещаниями, следовало ли их исполнять в точности или они были скорее общими указаниями? Какого рода обсуждения и переговоры не были зафиксированы в письменном виде, но повлияли на итоговый документ?

Медицинские тексты представляют собой отдельный объект исследований. В их число входят научные труды, написанные специалистами для специалистов, практические рекомендации для медиков и популярная литература для читающей аудитории (а это не то же самое, что широкая общественность). Современному читателю средневековые представления об устройстве человеческого тела могут показаться абсурдными, но важно понимать, что они не были простым собранием ошибочных взглядов на анатомию человека, но представляли собой цельную систему. Эта система во многом опиралась на античных авторов, которые утверждали, что в теле человека течет четыре жидкости, которые соответствуют четырем стихиям, и соотношение этих жидкостей определяет здоровье человека, его личность и даже соответствие традиционным гендерным ролям. Некоторые лекарства и травы, которые использовали средневековые медики, были довольно действенными, но их действие понималось не как влияние на биохимические процессы в организме, но как приведение четырех жидкостей в равновесие. Средневековая медицина ничего не знала о генах или бактериях. Конечно же, средневековая медицинская мысль – как и любая другая – менялась со временем: тогдашнюю медицину продвигали арабские авторы, а пишущие на латыни медики со временем начали опираться на их работы. Множество авторов медицинских трудов христианского Средневековья также входили в духовные ордены, и для них медицина была неотделима от теологии: понимать устройство человеческого тела нужно не просто чтобы поддерживать здоровье людей, но и чтобы лучше понять творение Божье.

В качестве иллюстрации к тому, какие проблемы могут возникнуть при работе со средневековыми источниками, рассмотрим один средневековый художественный текст. Перед нами одна из французских фавлио конца XII века. Рыбак женился на молодой женщине, которую он удовлетворяет сексуально – цитируя фавлио,

И коль жену муж кормит надлежаще,
То он ее и трахать должен чаще.

Она утверждает, что любит его, поскольку он ее содержит и покупает ей одежду; он же говорит, что она с ним только ради секса.

Чтоб между нами не было разладов,
Из кожи вон я лезу. Одних нарядов
Мало, чтоб удержать любовь жены:
Мужья почаще трахать жен должны.

(Обратите внимание, как сильно это отличается от современных реалий, когда муж скорее обвинял бы жену, что он ей нужен только ради денег, а она бы протестовала, что любит его за прекрасный секс.)

Однажды рыбак находит в реке труп – тело священника, который утонул при попытке сбежать от ревнивого мужа своей любовницы – и решает проверить свою жену. Он отрезает у трупа пенис, приносит его своей жене и заявляет, что пенис принадлежал ему: якобы он его потерял в результате нападения трех рыцарей. Жена незамедлительно говорит ему:

Молю я Бога, чтобы скорей ты умер!

Твое мне тело от таких потерь
Донельзя омерзительно теперь.

Она уже готова уйти из дома, но он окликает ее и говорит ей, что Бог волшебным образом вернул ему пенис. Она говорит:

Дражайший муж мой, милый друг,
Какой же я пережила испуг!
Уж сколько я живу на белом свете,
Не знала я такого ужаса и трети.

– обнимая его и на всякий случай сжимая его пенис в руке.

Как мы должны понять эту историю? Она описывает поведение простых людей, но она была написана для аудитории с более высоким социальным статусом – аристократов или горожан. Они смеялись над простым народом за то, что им движет похоть? Высмеивает ли это фавлю жену рыбака за ее сластолюбие? Как бы аудитория восприняла женщину, которой настолько нужен секс с мужем – скорее положительно или негативно? Говорит ли нам эта история об отношении женщин к сексу или о том, каким его себе представляли – или хотели бы видеть – мужчины? Считали ли средневековые женщины, что для сексуального удовлетворения нужен пенис, или же так думали мужчины? Очевидно, что мы не можем использовать подобные истории, чтобы рассказать об одной конкретной позиции средневековых людей по отношению к сексу – но именно из таких кирпичиков нужно сложить более общие выводы о средневековой сексуальности.

Мы должны рассмотреть и другую возможность: в культуре с эффективными методами контроля рождаемости мы смогли разделить секс и деторождение, но для средневековых людей связь между ними была намного более тесной. Когда средневековые тексты говорят о том, что женщины хотят секса со своими мужьями, они могут приписывать этим женщинам не сексуальное желание, как мы могли бы подумать, а желание родить потомство. И это приводит нас к еще большей неопределенности: если средневековые тексты приписывают женщинам жажду материнства, это отражение их истинных желаний или же отражение того, какие желания автор-мужчина считал для них надлежащими?

Изображения, как и тексты, можно интерпретировать по-разному, и если мы не владем информацией об их создателе, контексте и аудитории, то мы не можем знать, что они могли значить для средневековых людей. Например, на бордюре знаменитого гобелена из Байё, на котором запечатлено завоевание Англии норманнами в 1066 году, помимо диковинных зверей изображены обнаженные мужчины и женщины – и ученые спорят об их значении. По всей Европе на церквях вырезаны порой довольно гротескные фигуры мужчин и женщин, демонстрирующих гениталии. Первоначально их интерпретировали как элементы языческих культов плодородия, сохранившихся в христианскую эпоху и слившихся с церковью, или же как воспевание их плодovitости в рамках более христианских взглядов. В последнее время эти фигуры трактовали как проявление мизогинии: согласно такой интерпретации, авторы этих фигур сводили женщин к их половым органам и подчеркивали угрозу, исходящую от женского сладострастия. Возможно, фигуры на полях рукописи или в вышивке – это всего лишь шутка автора, но вырезанные из камня фигуры на церквях чаще всего представляют собой часть заранее запланированного ансамбля; в некоторых фигурах мы узнаем сцены из Библии. Как нам понять значение этих изображений? Как средневековые люди их понимали, и насколько отличалось их понимание у разных людей? Что означало изображение мужчины с эрекцией, который гонится за обнаженной женщиной, на гобелене из Байё – прямо под изображением того, как Гарольда отводят к герцогу Вильгельму? Означало ли оно фертильность или символизиро-

вало распущенность нравов в Англии? Угрожает ли мужчина этой женщине или же это любовная игра? Если гобелен в самом деле вышили монахини, в чем состоял их замысел и что для них значила работа над ним? В конце XIX века тридцать пять женщин из Общества вышивки Лица выполнили копию знаменитого гобелена: впервые она была выставлена в 1886 году, а затем, в 1895 году, перевезена в музей Рединга. Дамы из Общества опирались на слегка измененную репродукцию оригинального гобелена: в некоторых сценах были убраны явно видимые гениталии. Разница в том, насколько откровенными вытканы изображения, может нам многое рассказать о том, что считалось допустимым в приличном обществе XI века.

Исследователи не предложили в полной мере убедительных объяснений тому, какую функцию выполняют подобные изображения на бордюре гобелена, хотя Мэдлин Кэвинесс подчеркивает, что их необходимо интерпретировать в контексте основной сцены и, скорее всего, это была ремарка в адрес Гарольда¹¹. Возможно, эти изображения описывают изнасилования, которые часто сопровождают войны. Возможно, они сравнивают победителей – с мужчиной с эрекцией, а потерпевших поражение пленных – с женщиной. Возможно, как более абстрактные изображения зверей и птиц, они добавлены просто для украшения, возможно – как шутка автора. Вряд ли эти изображения считались непристойными, иначе они не появились бы на таком гобелене – и точно так же маловероятно, что это была порнография, призванная вызвать сексуальное возбуждение. Исследователи расходятся во мнениях насчет того, где именно был выставлен гобелен – некоторые считают, что из-за фигур на бордюре он вряд ли был бы уместен в церкви – но пока мы не знаем, как следует их интерпретировать, мы не можем с уверенностью сказать, что в церкви они были бы недопустимы, поскольку на стенах церквей мы встречаем похожие, пусть и не идентичные изображения.

На вопросы об интерпретации этого изображения с гобелена из Байё ответить невозможно, но даже если бы нам это удалось, ответы были бы применимы только к этому конкретному культурному артефакту, порождению англо-нормандской культуры конца XI века, а не к «средневековому» этносу в целом. Средневековые тексты и произведения искусства можно интерпретировать разными способами. На многие вопросы эта книга не сможет дать окончательный ответ – только предложить некоторые возможные версии, на которые указывают имеющиеся у нас свидетельства. Некоторых читателей это разочарует. Историков это тоже огорчает, но именно так им и приходится работать. Прошлое – это головоломка, в которой не хватает множества деталей. Иногда тех деталей, которые у нас есть, нам достаточно, чтобы понять, где они должны располагаться и чего нам не хватает; но иногда мы можем только строить догадки о том, как эти недостающие детали могли выглядеть.

Но даже этой аналогии недостаточно, чтобы в полной мере описать, насколько сложно работать с этими источниками. Средневековые люди зачастую не писали о сексе прямо – но даже когда они писали с налетом эротики (или того, что нам кажется эротикой), это не значит, что текст полностью отражает их желания. Мы читаем эти тексты в другом мире – в мире, который научился у Фрейда и некоторых литературоведческих школ находить сексуальный подтекст повсюду. В Средневековье люди могли воспринимать все иначе. Значит ли это, что сексуальный подтекст все равно есть, даже если средневековые авторы его не замечали? Или это значит, что их мир абсолютно несопоставим с нашим миром и, следовательно, нам недоступен?

Рассмотрим, например, поэтический текст, который был крайне популярен в Средние века:

---

¹¹ Madeline H. Caviness, "Anglo-Saxon Women, Norman Knights, and a 'Third Sex' in the Bayeux Embroidery," in *The Bayeux Tapestry: New Interpretations*, eds. Martin K. Voys, Karen Eileen Overbey and Dan Terkla (Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 2009), 85–118.

Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею
миловидностью!

Этот стан твой похож на пальму, и груди твои – на виноградные
кисти.

Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее;
И груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей
твоих,

как от яблок;

Уста твои – как отличное вино.

Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных.

Возможно, вы узнали этот отрывок из Библии – точнее, из Песни песней Соломона (Песнь песней 7:7–10¹²). Средневековые теологи толковали этот эротический текст как аллегорию о любви души к Богу или о любви Христа к Церкви. Если люди постоянно слышали такие обороты в религиозном контексте и слышали пояснения, что речь идет о духовном, а не о плотском, это могло повлиять на то, как они писали и читали любовную лирику. Там, где мы видим эротику, они могли видеть отсылку к Библии. Если бы кто-то сегодня написал:

О прекрасная, желанная моя любовь!

Твое дивное тело, статное и нежное,

Твой ясный, светлый лик,

Вылепленный руками Господа!

Я всегда желал тебя,

Ибо ни одна другая женщина не привлекает меня.

Я не хочу никакой иной любви!

Мы бы предположили, что говорящий (если не сам поэт) переживал сексуальное влечение к этой женщине – но не очевидно, что мы можем делать такой же вывод в случае со средневековой поэзией.

Средневековые авторы часто писали с такой силой чувства, которая сегодня показалась бы уместной только между любовниками. Таким образом, когда Элред Ривоский, монах-цистерцианец, настоятель аббатства в Англии XII века, писал о духовной дружбе, он описывал ее довольно необычно с точки зрения современного мужчины:

«Друг – это тот, кто возрыдает с тобой в горестях, возрадуется с тобой в довольстве, поможет тебе найти ответ в минуты сомнения; это тот, кого ты оковами любви прикуешь к потайному месту своей души, так что даже отсутствуя телесно он будет пребывать с тобой духовно, и тогда ты поведешь беседы с ним одним, и тем слаще будут эти беседы, коль скоро они сокрыты от других. И ты будешь беседовать с ним наедине, а когда мирской шум затихнет, во сне покоя, наедине с ним ты возляжешь в любовных объятиях, сольешься с ним в поцелуе единства, и сладость Святого Духа воспарит между вами; так ты сольешься с ним воедино, и ваши души смешаются в одну, и так двое станут единым целым»¹³.

Какими бы глубокими и страстными ни были чувства Элреда к своим друзьям, из его текстов видно, что у них не было физической связи. Скажем ли мы, что этот текст не пронизан

---

¹² Русский синодальный перевод. Православная редакция (*прим. пер.*)

¹³ Aelred of Rievaulx, *Speculum Caritatis*, 3:109, in *Opera Omnia*, vol. 1, ed. Anselm Hoste, *Corpus Christianorum Continuatio Medievalis* 1 (Turnhout: Brepols, 1971), 159.

эротикой? Если да, то должны ли мы точно также сказать, что аналогичная речь в отношениях между мужчиной и женщиной так же лишена эротики? Или мы скажем, что подобная речь всегда несет эротический подтекст, даже если автор этого не осознает? В таком случае мы будем встречать эотику по всей средневековой Европе.

Самый важный вывод, который мы можем сделать из подобных текстов, состоит в том, что в Средние века люди понимали границы между любовью и дружбой не так, как сейчас. Мы предполагаем, что наиболее сильные чувства мы должны испытывать к своим сексуальным партнерам, особенно к супругам – но средневековые люди так не считали. Как писал Дэвид Кларк, описывая древнеанглийскую литературу, мы должны «оставлять открытыми вопросы о том, где расходятся платоническая и чувственная любовь (если можно говорить о том, что они и в самом деле расходятся) и насколько пересекаются сексуальные и эмоциональные отношения»¹⁴.

Многие люди сегодня не смогут ответить на такие вопросы относительно своих отношений, и мы точно не можем с уверенностью на них ответить за тех людей, которые жили тысячу лет назад. Какие бы желания ни пронизывали подобный язык любви и дружбы, исторически бессмысленно клеймить средневековых людей, которые не признавали этих желаний, как жертв ложного сознания, неспособных признать свою собственную сексуальность. Намного полезнее использовать такие тексты, чтобы понять, как они подходили к вопросам дружбы, любви и секса.

Представления о том, что считать эротикой, а что ей не считать, у разных людей в Средневековье различались – и отличались от наших; то же верно и для взглядов на то, что считать естественным, а что нет. Этот вопрос по большей части поднимался в рамках христианства, но мусульманские и еврейские философы также заимствовали у Аристотеля представление о «природе» как о единой сущности, которой отдельные явления могут либо соответствовать, либо противоречить. В средневековых христианских текстах часто встречаются обороты вроде «грех против природы», который иногда используется как синоним слова «содомия». Персонафикация природы в «Плаче природы» Алана Лилльского протестует против этого греха: «И многие иные юноши, по моей милости славной красой облеченные, но упоенные жаждой денег, заставляют свои Венерины молоты нести службу наковален»¹⁵. Но если мы внимательнее приглядимся к тому, что христианские авторы имели в виду под «природой» или «естественным», мы найдем массу противоречий. «Естественно» то, что делают животные – то есть, по мысли средневековых авторов, секс с целью размножения – однако секс в коленно-локтевой позе, похожий на позу животных, расценивался как противоестественный. Вильгельм Перальд, которого много цитировали и переводили на протяжении всего Средневековья, выделял два вида грехов против природы: грех «против природы в отношении формы», когда в гетеросексуальном вагинальном половом акте женщина находится сверху или же партнеры выбирают какую-либо еще необычную позицию, и грех «против природы в отношении сущности акта, когда некто допускает пролитие семени где-либо за пределами места, положенного природой»¹⁶. Природа у Алана Лилльского протестует против любого нерепродуктивного секса: ее оскорбляет бесплодие, а не выбор объекта любви.

Сегодня люди точно так же используют понятие «естественности», чтобы раскритиковать то, с чем они не согласны. Если мне интуитивно кажется, что что-то неправильно, я называю это «противоестественным», и это имеет мало отношения к тому, бывает ли так «в

---

¹⁴ David Clark, *Between Medieval Men: Male Friendship and Desire in Early Medieval English Literature* (Oxford: Oxford University Press, 2009), 18.

¹⁵ Alain of Lille, *The Plaint of Nature*, trans. James J. Sheridan (Toronto: Pontifical Institute for Medieval Studies, 1980), 136. (Алан Лилльский, «Плач Природы», пер. Р. Л. Шмараков)

¹⁶ Gulielmus Peraldus, *Summa de Vitiis*, 3:2.2. Выражаю благодарность Зигфриду Вензелю за возможность использовать его черновик нормализованного издания *Summa de Vitiis*.

природе», то есть вне мира людей. Что может быть «естественнее» инцеста? Животных не волнует, насколько близка их генетическая связь с партнером, избранным для размножения. Разумеется, когда мы называем явления вроде инцеста «противоестественным», мы имеем в виду человеческую природу, а не природный мир – но мы никогда не определимся в том, что есть человеческая природа. Для последователей Фомы Аквинского, схоласта XIII века, Господь создал всякую вещь для какой-то нужды, и в ее природе исполнять свое предназначение; исследование природы вещей есть «натурфилософия», философия природы – категория, под которую Аристотель (и его средневековые последователи из различных религиозных традиций) поместил то, что мы сейчас могли бы назвать наукой. Для Фомы Аквинского человеческая природа в соответствии с Божьим замыслом должна быть рациональной, а любые сексуальные действия, которые противоречат рациональности (чаще всего, любые действия, которые не ведут к деторождению), являются неестественными. Для некоторых современных людей поступать «естественно» значит следовать телесным желанием, а не искусственным социальным нормам, – но это предельно далеко от средневековых взглядов, согласно которым существуют законы природы, и они намного сильнее социальных норм. Следовательно, концепт «природы» также является социальным конструктом, и природа, о которой говорили средневековые люди, – это не та природа, которой говорим мы. Как указывает Карма Лохри: «“Естественное” и “неестественное” не были средневековыми способами сказать “гетеросексуальность” и “извращение”»¹⁷.

Многие считают, что в Средние века о сексе говорили мало. Согласно распространенному сегодня мнению, верующие считают тему секса непристойной: из этого многие делают вывод о том, что в Средние века, когда влияние религии было невероятно сильным, что эту тему должны были замалчивать – однако это неверно. Не всегда можно легко понять, как именно следует интерпретировать слова средневековых людей, когда они говорили о сексе – но о нем говорили. Мишель Фуко, как известно, опроверг так называемую «репрессивную гипотезу», согласно которой в викторианском и иных обществах XIX века о сексе говорить было нельзя. На самом деле, говорит Фуко, буржуазная культура XIX века говорила о сексе беспрестанно, даже если все разговоры были сосредоточены вокруг того, почему те или иные сексуальные действия ужасны; секс обсуждали в рамках права, медицины, литературы и политики. То же самое верно и для Средневековой Европы.

Средневековые разговоры о сексе – это не только идеи религиозных или светских властей о том, как его подавить (хотя такие, конечно, тоже были). Секс обсуждали в повседневных разговорах едва ли не чаще, чем считается пристойным во многих кругах современного общества Северной Америки. Большая часть населения в Средние века жила за счет сельского хозяйства, и для них не было тайной, как именно размножаются животные. Многие жили в маленьких домах, где не было отдельных спален, так что дети в Средние века вполне могли знать о родителях то, что для современных детей скрыто за дверями спальни. Мы видим, что средневековые люди обсуждали секс открыто и были очевидно знакомы с тем, как он происходит.

Два примера из разных литературных источников могут прояснить для нас, что было дозволено говорить, а что нет. В одной из французских фавлю, *La damoiselle qui ne pooit oïr parler de foutre* («Девушка, которая не выносила слово “трахаться”»), дочь фермера не выносит, когда при ней говорят слово *foutre* («трахаться» – наиболее близкий эквивалент, поскольку, пусть текст обращен к аудитории аристократов и буржуа, слово *foutre* точно было вульгарным): она настолько нежная, что от одного этого слова ей становится плохо. Она и рабочий на ее ферме описывают разные части тела эвфемизмами: его пенис – это конь, ее вагина – это источ-

¹⁷ Karma Lochrie, *Heterosyncrasies: Female Sexuality When Normal Wasn't* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005), xxii.

ник и так далее. В итоге она просит его «напоить его коня в ее источнике»¹⁸. Юмор истории основан на том, что, хотя она ханжески не хочет слышать и произносить связанные с сексом слова, сами действия никаких проблем у нее не вызывают. Однако это подразумевает, что женщина вряд ли покраснела бы от такого слова: в норме – любой, кто готов вступить в половой акт, без проблем был готов его назвать.

В средневековой Скандинавии, как следует из норвежских и исландских законов, за определенные оскорбления следовало изгнание из общества – иными словами, если преступник оставался на территории Исландии, любой мог безнаказанно его убить. Назвать мужчину самкой какого-либо животного – что связано с обвинением в пассивном гомосексуальном поведении – было одним из таких оскорблений. В исландских сагах, написанных в XIII веке, но повествующих о событиях IX–XI веков, можно найти несколько примеров таких оскорблений. Эти слова чудовищны и влекут за собой жестокую месть не потому, что они оскорбительны сами по себе, но поскольку они бросают тень на маскулинность того человека, к которому они обращены. Дело не в том, что человек, который их произнес, говорил слишком прямо: проблема не в отсутствии эвфемизмов. Конкретные слова были вне закона не потому, что они сами по себе неприличны, а из-за стоящих за ними идей – идей, которые не стали бы более приемлемыми, если бы человек выражался завуалированно.

---

¹⁸ Dubin, 883. Дубин переводит вторую версию названия этого фаблю, “La damoiselle qui n’oit oïr parler de foutre qui n’aiüst mal au cuer,” как «Девушка, которая не выносила непристойных слов», 873. Приведенное здесь название взято из работы *Nouveau recueil complet des fabliaux*, vol. 4, 82. (прим. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.